

ТЕМА СВЯТОСТИ В ЦИКЛАХ В. А. НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА «ДЕТСТВО» И «ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДЕТСТВА»

Е. Л. Сузрюкова

Новосибирская православная духовная семинария

Поступила в редакцию 24 января 2020 г.

Аннотация: в статье исследуется семантика святости в циклах рассказов писателя с православной картиной мира В. А. Никифорова-Волгина «Детство» и «Из воспоминаний детства». Выявляются образы и темы, связанные с семантикой святости. В тексте рассказов прозаика упоминаются святые как образец той или иной добродетели или как те, чья память совершается в определенные дни церковного календаря. Персонажи читают книги, написанные святыми (начиная от Священного Писания и гимнографических текстов и заканчивая творениями святых), вспоминают эпизоды из их житий. Кроме того, среди персонажей рассказов есть юродивый, а другие персонажи нередко сопоставляются со святыми (по внешнему антуражу или по внутренним характеристикам). Общая семантика святости сопряжена с духовно-нравственным эталоном того состояния, к которому должен стремиться каждый человек. В пасхальных рассказах циклов В. А. Никифорова-Волгина появляется мотив схождения святых с неба на землю. Путь к святости для живущих на земле людей — в приобщении к небесному, а носители и тем более Источник святости близки верующей и благоговейной душе.

Ключевые слова: Никифоров-Волгин, цикл рассказов «Детство», цикл рассказов «Из воспоминаний детства», святость, семантика, православие.

Abstract: this article is a research of semantics of the sanctity in the stories cycles «The Childhood» and «From childhood memories» by V. A. Nikiforov-Volgin, a writer with an orthodox worldview. The sanctity-related semantic images and themes are revealed. In the writer's stories the saints are mentioned as paragons of this or that value or as those whose memory is commemorated on certain days of the church calendar. The characters read books written by saints (beginning with the Holy Writ and hymnographic texts and finishing with the works of saints), remember episodes from their Lives. Besides, one of his characters is a fool-for-Christ, and his other personages are often compared to saints (by their outer appearance or inner characteristics). The general semantics of sanctity is inherent in spiritual and moral model state to which every person must strive. In the Easter cycle of stories by V. A. Nikiforov-Volgin there appears a motive of the descent of saints from the heaven to the Earth. The way to sanctity for people who live on the Earth lies in communion with divinity, thus, bearers, and even more so, the Source of sanctity are close to a believing and reverent soul.

Keywords: Nikiforov-Volgin, cycle of short stories «Childhood», cycle of short stories «From childhood memories», sanctity, semantics, Orthodoxy.

Протоиерей Г. Дьяченко в «Полном церковнославянском словаре» пишет: «Святой — имя Божие» [1, 585]. Митр. Крутицкий и Коломенский Ювеналий посвятил понятию святости обширный доклад, где, в частности, коснулся и того, о чем говорил прот. Г. Дьяченко: «святость есть отличительная черта Бога, уже самое имя Его свято (Пс. 32, 21)» [2, 25]. Традиция именованя Бога Святым восходит к Ветхому Завету: «через Его святость — кодеш (выделенность) показывается Его исключительность, дабы люди признали Его единым истинным Богом. Посему для людей порука спасения есть святость Самого Бога <...>» [2, 25]. Таким образом, в Ветхом Завете представление о святости соотнесено с идеей об истинном вероучении и с идеей спасения, но более

полное раскрытие, чем здесь, последняя идея получает в Новом Завете. Святость приобретает тут новое значение: это уже не только свойство Божества, но и состояние, к которому призваны верующие как получившие дар благодати Крещения и давшие при этом «обещание Богу доброй совести» (1 Петр. 3, 21). Такое понимание святости отражено В. М. Живовым в книге «Святость. Краткий словарь агиографических терминов»: «Его [понятия святости] основной смысл состоит в причастности человека Богу, его обоженности, в его преображении под действием благодати Божией. В преобразенном человеке восстановлена его не поврежденная грехом природа, его соединение с Богом как «чада Божиего». Основой этого восстановления является Боговоплощение, восприятие Христом человеческой природы. <...> Христиане, следуя Христу, соучаствуют в Его Божестве по благодати

и становятся святыми» [3, 90]. Здесь изложен православный взгляд на существо святости, отличный от восприятия и осмысления святости в язычестве. Диакон Иоанн Реморов пишет о том, что «нередко встречающееся отождествление христианской и языческой традиций отношения к святине весьма некорректно. Сам догмат о Боговоплощении является принципиальным нарушением языческого понимания сакральности. В православном понимании священное отличается от языческого сакрального (т.е. табуированного, отделенного от профанного): священное является элементом уважения, почтения, а точнее (по словам свт. Филарета), благоговения по отношению к Богу. Иначе говоря, оно есть проявление реальности опыта богообщения» [5, 55–56]. В. Н. Топоров тоже замечает, что «тема святости неотделима от темы принятия христианства» [6, 416].

В произведениях В. А. Никифорова-Волгина, который «видит <...> мир <...> исключительно сквозь призму христианского мировосприятия» [6, 18], слово «святой» встречается часто. Нередко оно используется по отношению к прославленным Церковью угодникам Божиим. Так, в первом рассказе цикла «Детство»¹ «Великий пост» нищий старичок Яков говорит перед обедом: «В монастырях, по правилам святых отцов, на Великий пост положено сухоястие, хлеб да вода... А святой Ерм со своими учениками вкушали пищу единожды в день только вечером...» [8, 5–6]. Пример святого вызывает живой отклик в душе мальчика-рассказчика: «Я задумался над словами Якова и перестал есть.

– Ты что не ешь? — спросила мать.

Я нахмурился и ответил басом, исподлобья:

– Хочу быть святым Ермом!

Все улыгнулись, а дедушка Яков погладил меня по голове и сказал:

– Ишь ты, какой восприимный!»² [8, 6].

Таким образом, святость здесь — пример праведной жизни, то, что достойно подражания. В то же время, св. Ерм постится весьма сурово, его аскетическая практика, по-видимому, плод долгих аскетических упражнений. Значит, святой, помимо всего прочего,

¹ Подробнее об истории формирования и публикации циклов «Детство» и «Из воспоминаний детства» см. работу Е. А. Осьминой [7].

² Этот эпизод напоминает фрагмент из «Бесед» преп. Варсонофия Оптинского: «Родители мои были людьми верующими, отец обыкновенно по праздникам до обеда читал вслух житие какого-нибудь святого. Помню, мне не было и 7 лет, но я с увлечением слушал отца.<...>

– Папаша, — говорю я ему, — я хочу быть святым. Только вот идти в печь или в котел с оловом больно.

– Можно сделаться святым и иначе.

– Как?

– Некогда мне с тобой разговаривать, — отвечает отец и продолжает чтение» [9, 238].

являет здесь образец воздержания как результата богоугодной жизни. Упоминаются в приведенном фрагменте и святые отцы, давшие монашествующим правила поста относительно пищи, внешнего воздержания. Сама традиция поститься перед Пасхой получает тут значение принадлежности православной Церкви, следования уставу, созданному святыми. Пост, таким образом, — благословение, данное христианину свыше, путь приобщения к святости.

Упоминаются в рассказах В. А. Никифорова-Волгина и другие святые. Так, в цикле «Из воспоминаний детства» движение времени и приближение к Великому посту показано как череда сменяющих друг друга дней церковного календаря, в которые вспоминаются определенные святые: «Вся в метели, пришла преподобная Евфимия Великая — государыня масленица будет метельной! Прошел апостол Тимофей полузимник; за ним три вселенских святителя; св. Никита, епископ Новгородский, — избавитель от пожара и всякого запаления; догорели восковые свечи Сретения Господня — были лютые сретенские морозы; прошли Симеон Богоприимец и Анна Пророчица» [10, 60]. Течение времени представлено как шествие святых друг за другом, причем в реалиях русской зимы. Действительно, в рассказах В. А. Никифорова-Волгина «явственно ощущается поэзия православных праздников, литургический восторг от яви времен года» [11, 5]. Сменяющие друг друга святые указывают на то, что для рассказчика важны не даты календаря, а живые свидетели веры, воплотившие в своей жизни следование заповедям Христа, праздник в честь Которого тоже вписан в церковный календарь зимнего периода, о каком повествует рассказчик (Сретение Господне). Для Васи, о чьем детстве идет речь в циклах, со святыми связаны определенные характеристики: хотя кого-то он просто перечисляет в общей веренице, очевидно, что он знает о месте каждого из них в церковном календаре и о помощи, какую тот или иной святой может оказать живущим на земле людям («св. Никита, епископ Новгородский, — избавитель от пожара и всякого запаления»). Это значит, что живое общение между святыми и верующими, не перешедшими порога смерти, реально как для Васи, так и для автора (об автобиографичности рассказчика пишет, к примеру, Е. А. Осьмина [12, 218]).

Вася с родителями читает творения святых. По крайней мере, в рассказе «Торжество Православия» включен эпизод с чтением книги святителя Тихона Задонского. «Все чаще и чаще заставляли меня читать по вечерам «Сокровище духовное от мира собираемое» св. Тихона Задонского. Я выучил наизусть вступительные слова к этой книге и любовался ими, как бисерным кошелечком, вышитым в женском монастыре и подаренным мне матерью в день ангела: «Как купец от различных стран собирает различные товары, и в дом свой привозит, и сокрывает их: так

и христианину можно от мира сего собирать душеполезные мысли, и слагать их в клетки сердца своего, и теми душу свою созидать» <...> Читаешь творение долго. Закроешь книгу и по старинному обычаю поцелуешь ее» [10, 67]. Как видим, в семье мальчика, живущей по православному укладу, присутствует благоговейное отношение к святой книге, ее наставления для рассказчика — драгоценность. Семантика сокровища, драгоценности обыгрывается в данном фрагменте: в названии книги святителя упоминается «сокровище», Вася вспоминает о подарке матери, бисерном кошечке, наконец, в словах святителя фигурирует купец, свои товары «сокрывающий». Образы бисера, сокровища и купца, интегрируя, указывают на евангельскую притчу о купце и найденной им жемчужине, драгоценности, чья стоимость неимоверно высока. Это притча о Царствии небесном, духовном сокровище, путь к которому описывает св. Тихон. К этому духовному сокровищу стремится и семья Васи, вслед за святыми людьми. Таким образом, повествование В. А. Никифорова-Волгина как в аксиологическом, так и в сюжетном отношении сопряжено с шествием к святости. Чтение богодухновенной книги есть в то же время и акт богообщения, как и молитва, как и участие в Таинствах, как и исполнение евангельских заповедей, что на протяжении повествования Вася и осуществляет. Он часто повторяет слова, услышанные во время богослужения, церковнославянские молитвы и песнопения, он исповедуется и причащается (отдельные рассказы цикла «Детство» так и называются: «Исповедь», «Причащение»), он живет по установленному Церковью порядку, соблюдая посты и радуясь православным праздником. Сам Вася еще на пути к святости, потому что в его жизни бывают искушения и духовные падения, но надежда на спасение души и приобщение к святости есть, поскольку Вася борется с искушениями и кается в грехах. У него чистая, детская вера.

Интересно, что в окружении Васи находятся люди, для которых святость тоже является ценностью. Так, в рассказе «Исповедь» из цикла «Детство» говорится о подвигах святых, чьи имена не называются: «И вот, светлы мои, в пустыни-то этой подвизались три святолепных старца — рассказывает исповедникам дядя Осип, кладбищенский сторож — Молились, постились и трудились...да...трудились...А кругом одна пустыня...» [8, 18]. Эти слова звучат как притча, задающая духовную высоту образа жизни, отрешенной от всего суетного. Слово «святолепный» в словаре прот. Г. Дьяченко отсутствует, но образовано оно от корней свят- и -леп-. Последний содержится в словах «лепота» («красота, изящество» [1, 290]), «лепый» («красивый, изящный» [1, 290]), «благолепный» («прекрасно украшенный» [1, 42]), «светолепный» («приличный, святой» [1, 1102]) и т.п. Таким образом, «святолепный» — «красивый, изящный в святости». Это слово образовано по той же

модели, что и церковнославянские слова, имеющие греческое происхождение. Церковнославянскими словами повествователь украшает свою речь. Неслучайно С. Исаков, отмечал, что два пласта языка участвуют в формировании стиля писателя: это церковнославянский язык, «язык древней русской словесности», и «стихия самобытной народной речи»³ [6, 338]. Но церковнославянские слова в то же время выполняют не только орнаментальную функцию, но и напоминают о православном богослужении, а значит, и о святости, к которой призван каждый человек. Это знаки, отсылающие к представлению о вечной жизни.

Центральными событиями в рассказах циклов становятся участие рассказчика в церковной службе или в церковном Таинстве. Поэтому литургический план в повествовании В. А. Никифорова-Волгина является доминирующим. Семья — малая церковь — живет по установлениям Церкви, т.е. приобщение к литургической жизни Церкви не ограничивается здесь посещением храма, но продолжается и за его стенами. Одухотворяется даже природа в этих произведениях. Так, накануне Рождества Христова Вася, разгребая снег, думает: «Необыкновенный снег...как бы святой! Ветер, шумящий в березах — тоже необыкновенный! Бубенцы извозчиков не те, и люди в снежных хлопьях не те...» [8, 64]. В ожидании праздника все окрашивается субъективным взглядом рассказчика. Он находится в ожидании чуда, причем чуда духовного. Снег кажется ему святым, и такой же семантический оттенок получает все перечисляемое Васей. Одухотворяются для него и люди, и предметы быта (бубенцы). Прозаическое в контексте святости поэтизируется, что напоминает православную гимнографию, в которой все исполнено высокого смысла.

Сам человек, причастный церковной жизни, преобразуется у В. А. Никифорова-Волгина. «И вот вышли на амвон три мальчика, и среди них Колька. Все они в голубых ризах с золотыми крестами и так напомнили трех отроков-мучеников, идущих в пещь огненную на страдание во имя Господа» [8, 10–11], При чтении двенадцати Евангелий на Страстной седмице «<...> лица людей стали похожими на иконы при лампадном свете — световидные и милостивые» [8, 30]. «Даже толстопузый староста, которого все называют «жилой», сияет, как святой угодник» [8, 66] на Рождество Христово в рассказе «Серебряная метель».

³ И. А. Казанцева пишет о сочетании в мировоззрении писателя «народно-православного и ортодоксально-православного начал (точное следование и глубокое знание православно-религиозной догматики в сочетании с широким обращением к народно-поэтическим образам, обрядам, фольклорным изобразительно-выразительным средствам)» [13, 238].

Есть среди персонажей рассказов писателя и святые, к примеру, юродивый Глебушка, искупающий грехи рода и беседующий тайно ото всех с ангелами⁴. Даже в описании его внешности сквозит свет святости: «Он подполз ко мне ближе и, по-святому улыбаясь, тонким, тонким шепотом, сине вспыхивая засветившимися вдруг глазами, не похожими на всегдашние, юродивые, забормотал, словно в тихом прозрачном полусне <...>» [10, 116]. Внешнее преобразование облика Глебушки раскрывает сокрытую от поверхностного взгляда его суть, которую улавливает чуткая душа ребенка. Неслучайно соположение в этом портрете синевы и света глаз. То и другое указывают на небо. Неслучайно, что корни «свет-» и «свят-» считают родственными: святые — те, кто отражает в себе Источник Света истинного. Близкое общение Глебушки с ангелами-небожителями говорит о его причастности Богу.

В пасхальных рассказах циклов упоминаются народные предания, по которым святые сходят с неба на землю. «<...> когда все выходят с крестным ходом из церкви во время Светлой заутрени, то святые угодники спускаются со своих икон и христосуются друг с другом» (рассказ «Отдание Пасхи») [10, 89]. «Вспомнился мне чей-то рассказ, что в ночь на Светлое Христово Воскресение спускается с неба на землю лестница и по ней сходит к нам Господь со святыми апостолами, преподобными, страсотерпцами и мучениками. Господь обходит землю, благословляет поля, леса, реки, птиц, человека, зверя и все сотворенное святой Его волей, а святые поют «Христос воскрес из мертвых» ... Песня святых зернами рассыпается по земле, и от этих зерен зарождаются в лесах тонкие душистые ландыши...» [8, 46–47] (рассказ «Светлая Заутрени»). Соединение небесного и земного на Пасху, всеобщая радость, тайна и чудо объединяют оба контекста. В первом фрагменте дана лишь общая номинация «святые угодники», во втором перечисляются святые сообразно их подвигам на земле. Так же подробно перечислены здесь и все творения Божии, которые благословляются свыше на Пасху. Духовный мир воздействует на материальный, и пасхальный тропарь, пропеваемый святыми, превращается в зерна, а затем — в прекрасные цветы. Образ зерна восходит к евангельским притчам и образам. Здесь же зерна представлены как материализованное прославление святыми Воскресшего Христа. Если во втором фрагменте упоминалась «святая воля» Божия, благая и созидаящая, то в рассказе «Земля-имениница» неоднократно упоминается Святая Троица, праздник Которой приближается для рассказчика.

⁴ И. А. Казанцева сравнивает Глебушку с вятским святым, поскольку Глебушка «часто ночует на могиле своего отца, подобно Прокопию Вятскому, спавшему на земле» [14, 108].

Святую Троицу Вася представляет себе в виде «трех белоризных ангелов» [8, 52], шествующих по светящейся от солнца дорожке на реке. Традиция изображения Св. Троицы в виде трех ангелов есть в иконографии, так что ассоциация, возникшая у ребенка, оправдана. Но обычно Св. Троица изображается сидящей за столом в сюжете «гостеприимства Авраама». Имеется также изображение трех ангелов (Св. Троицы), стоящих на земле перед павшим к их ногам преп. Александром Свирским. Здесь же Вася представляет себе шествие по водам, традиционно связанное с евангельским эпизодом хождения по водам Христа. В картине, которую вообразил мальчик, изобилует свет, поскольку водная поверхность хорошо отражает солнечные лучи. Это напоминает фон иконописных изображений: обилие золотого света. Интересно также, что Св. Троица представлена здесь не статично, но в движении. Не только человек, по мысли писателя, совершает свой земной путь к Богу, но и Бог спускается на землю и приближается к людям.

Наконец, в цикле «Из воспоминаний детства» есть рассказ, в заглавии которого усилена семантика святости — «Святое Святых». Речь в тексте идет об алтаре. Вася мечтает служить у престола Господня. Ему позволяют пройти к алтарю. С благоговением передает рассказчик свои впечатления и мысли в этот момент: «Я не слышал, как вошел в алтарь. Алтарь, где восседает Бог на престоле, и, по древним сказаниям, днем и ночью ходят со славословиями ангелы Божии, и во время литургии взблескивают над Чашей молнии, грешному оку невидимые... Я оцепенел весь от радости — радости, не похожей ни на одну земную. В ней что-то страшное было и вместе с тем светлое» [10, 104]. Алтарь изображен здесь как небо: тут и престол Божий, и ангелы, и молнии, и радость неземная, и страх Божий, и ощущение духовного света, от которого хорошо на душе. Благоговение охватывает Васю, мечтающего стать алтарником и быть ближе к Богу. Тишина соединяется тут с постоянной ангельской хвалой Творцу, которую люди не слышат, но догадываются о ней. Центральным событием этого рассказа, помимо входа в алтарь, становится духовное испытание, преодолеваемой Васей с помощью добрых и душеполезных слов матери: «Бойся осудить человека, не разузнав его. От суесловия церковных служителей Тайны Божии не повредятся. Так же сиять они будут и чистотою возвышаться. Повредится ли хлеб, если семена его орошены грешником? Человек еще не вырос, он дитя неразумное, ходит он путаными дорогами, но придет время — вырастет! <...> Сострадай человеку и умеи находить в нем пшеницу среди сорной травы» [10, 106]. Мать Васи утверждает незыблемость святых, неповреждаемость их от недостойного поведения человека (Бог поругаем не бывает). Звучит в ее словах боль за человека и любовь к нему, призыв к неосуждению.

Вася знает, что благоговение необходимо в алтаре. Взрослые об этом могут забыть. Но в словах матери рассказчика, содержащих аллюзии на богослужебный и евангельский тексты (песнопение антифона на утрене «Святым Духом всяка душа живится, и чистотою возвышается, светлеется Троическим единством, священнотайне» [15, 48], притчу о пшенице и плевелах⁵), есть надежда на исправление, духовное преобразование человека, к которому он и призван. Эта надежда смягчает грозные пророчества, появляющиеся в цикле рассказов писателя «Из воспоминаний детства» второй книги В. А. Никифорова-Волгина о грядущих «поруганиях святынь» [10, 111]. Автор надеется на то, что такие испытания в жизни русского народа пройдут, и человек духовно возродится.

Итак, тема святости — одна из магистральных как в рассматриваемых нами циклах В. А. Никифорова-Волгина о детстве, так и во всем творчестве писателя. Святость — духовно-нравственный эталон того состояния, к которому должен стремиться каждый человек. Вася, главный герой обоих циклов, с радостью, удивлением и благоговением открывает для себя мир православной веры⁶. Он знает о церковных праздниках, посвященных Господу и святым, окружающие его люди говорят о святых как о примере богоугодной жизни и сам он живо откликается на такие рассказы, Вася повторяет святые слова молитв, ходит на богослужение, участвует в церковных Таинствах, поет на клиросе, ему разрешают войти в алтарь. Святые у В. А. Никифорова-Волгина радуются вместе с живущими на земле людьми и страдают и человеку, и всему живому. Духовный и земной миры взаимосвязаны в произведениях писателя. Человек может приблизиться к Богу и святости, если будет к этому стремиться, и Сам Бог сходит на землю вместе со святыми во время главного христианского праздника Пасхи, в соответствии с народным преданием, которое Вася вспоминает. Путь к свято-

сти — в приобщении земного небесному, а носители и тем более Источник святости близки верующей и благоговейной душе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дьяченко Г., прот. Полный церковно-славянский словарь. М.: ЗАО Фирма «Бертельсманн Медиа Москау АО», 2013. — 1120с.
2. О канонизации святых в Русской Православной Церкви. Доклад митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия на Освященном Поместном Соборе Русской Православной Церкви, посвященном 1000-летию Крещения Руси. Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988 г. / Канонизация святых в XX веке. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1999. С. 21–73.
3. Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994, 112с.
4. Иоанн Реморов, диакон. Святитель Филарет Московский о принципах русских переводов священных текстов / Судьбы языков: вопросы внешней и внутренней истории. М.: Издательство ПСТГУ, 2009. С. 52–68.
5. Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис-школа», «Языки русской культуры», 1995, 875с.
6. Исаков С. Забытый писатель / В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох. М.: Советская Россия, 1992. С. 330–339.
7. Осьминина Е. А. И. Шмелев и В. А. Никифоров-Волгин / И. С. Шмелев и проблемы национального самознания (традиции и новаторство). Материалы международных научных конференций «Шмелевские чтения 2011 и 2013 гг.». М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 384–393.
8. Никифоров-Волгин В. А. Земля-имениница. М.: Ставрос, 2004. 224с.
9. Варсонофий Оптинский, преп. Беседы. Келейные записки. Духовные стихотворения. Воспоминания. Письма. «Венок на могилу Батюшки». Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиной Пустыни, 2013, 704 с.
10. Никифоров-Волгин В. А. Дорожный посох и другие рассказы. М.: Издательство «Новое Небо», 2018, 174с.
11. Абрамычев А. А. Вступительное слово / В. А. Никифоров-Волгин. Дорожный посох и другие рассказы. М.: Издательство «Новое Небо», 2018. С. 5.
12. Осьминина Е. А. Тексты церковных песнопений в циклах «Детство» и «Из воспоминаний детства» В. А. Никифорова-Волгина / Е. А. Осьминина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. М., 2015. № 5 (716). С. 216–226. Казанцева, И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков. Автореф. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2011, 35с.
13. Казанцева И. А. Православная аксиология в русской прозе XX–XXI веков. Автореф. на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тверь: Тверской государственный университет, 2011, 35с.

⁵ В Евангелии от Матфея (13:24–30), где приводится эта притча, пшеница соотносится с образом праведников, а плевелы — с образом грешников. По объяснению митр. Илариона (Алфеева), «символом добра в притче является пшеница, символом зла — <...> плевелы, растения, относящиеся к семейству злаков. <...> Внешне сходство плевела с пшеницей заставляет увидеть в этом образе указание на зло как эрзац добра, на диавола как того, кто мимикрирует под Бога» [16, 429–430]. В назидании матери Васи умение видеть «пшеницу» в человеке и значит умение находить доброе в нем.

⁶ С. Нарышкин, характеризуя творчество В. А. Никифорова-Волгина, пишет о выражении в нем веры — еще одной из центральных тем писателя: это «<...> вера в устойчивость преданий, не смущающаяся их поруганием, помрачением и затмением. Это и есть вера, т.е. по слову катехизиса, уверенность в желаемом и ожидаемом» [17, 469].

14. Казанцева И. А. Отражение сакрального пространства в произведениях В. А. Никифорова-Волгина и В. Н. Крупина / Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2010. Т. 1. № 2. С. 107–111.

15. Всенощное бдение. Литургия. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008, 240с.

16. Иларион, митрополит Волоколамский. Четверо-

евангелие. Т. 2. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Издательский дом «Познание», 2018, 752с.

17. Нарышкин С. певец Бога и земли / В. А. Никифоров-Волгин. Заутреня святителей. М.: Паломник, Глаголы жизни, 1998. С. 469–474.

*Новосибирская православная духовная семинария
Сузрюкова Е. Л., кандидат филологических наук, доцент
кафедры гуманитарных дисциплин
E-mail: sellns@mail.ru*

*Novosibirsk Orthodox Theological Seminary
Suzryukova E. L., Candidate of Philology, Associate Professor
of the Humanitarian Disciplines Department
E-mail: sellns@mail.ru*